

Л.Н. Будагова (Москва, Россия)

Раиса Романовна Кузнецова в Университете и в быту

L.N. Budagova (Moscow, Russia)

Raisa Romanovna Kuznetsova at the University and in Ordinary Life

Спасибо филологическому факультету МГУ за то, что не забыл отметить столетний юбилей профессора Р.Р. Кузнецовой и за приглашение принять в этом участие. Я хотела бы поделиться некоторыми воспоминаниями.

Мы познакомились с ней, когда я поступила в университет и стала студенткой чешской группы славянского отделения филфака. Раиса Романовна читала нам лекции по истории чешской литературы, руководила курсовыми и дипломными работами, была среди тех, кто рекомендовал меня в очную аспирантуру. Наши связи не прервались и после моего окончания МГУ, когда я стала сотрудницей Института славяноведения АН СССР. Раиса Романовна была главным оппонентом двух моих диссертаций, мы встречались на научных мероприятиях, а также на некоторых из ее юбилеев.

А теперь перенесемся на Моховую, в старое университетское здание с крутыми истоптанными ступенями, которые вели на последний этаж, где располагался наш факультет, в небольших комнатах для занятий, в которых было тепло зимой и прохладно летом. Иногда, в перерывах, приходилось перебегать в «новое здание» (которое тоже было старым), где находились большие аудитории для общекурсовых лекций. Никаких микрофонов там не было, да и не нужны они были ни преподавателям, ни студентам. Все слышали друг друга из-за прекрасной акустики, секреты которой, вероятно, утеряны. Когда несколько лет назад наш курс собрался по случаю юбилея окончания МГУ в старом «новом» здании, уже принадлежащем журфаку, в бывшей Коммунистической (ныне переименованной) аудитории, всем, из-за проведенных ремонтов, потребовались микрофоны. Акустики уже не было, зато духота стояла несусветная.

В наши студенческие годы еще далеко было до «оттепели» и еще дальше до перестройки. В славяноведении царили свои догмы и правила. Но мы, студенты Раисы Романовны, выступали на семинарах, писали курсовые и дипломные работы с легкой душой, ничем не стесненные, а руководствуясь своими знаниями и суждениями. Я не помню случая, чтобы Раиса Романовна придралась к кому-нибудь из нас, почуяв дух крамолы и свободомыслия, студентам не чуждый. Она понимала и принимала наши выводы, воспитывала веру в свои силы и возможности, поощряла творчество.

Общение с ней студентов не ограничивалось ни местом, ни временем, ни университетскими стенами, ни отведенными для семинаров часами. На всю жизнь я запомнила, как читала ей однажды рукопись своей курсовой работы под открытым небом в деревенском дворике ее жилища на Новослободской, тогда еще не обезображенной зданиями банков и офисов капитализирующейся России. Мы устроились с ней то ли на скамейке, то ли на поленнице дров. Она – с коляской, где спал ее грудной младенец, я со своими студенческими каракулями в руках. Пишущей машинки у меня не было, до компьютеров мы еще не доросли.

Этот эпизод был вполне в духе неофициальных, дружеских отношений Раисы Романовны со своими студентами. Наши разговоры с ней не проходили впустую. Не помню, то ли прочитанная в московском дворике, то ли какая-то другая моя статья была выдвинута на конкурс лучших студенческих работ нашего курса. Вместе со статьей Володи Лакшина ее отметили на общекурсовом собрании.

Сейчас я жалею, что не обзавелась общими с Раисой Романовной фотографиями. Но пара из них все же есть. Одна опубликована в газете Московский университет. На фото – сцена экзамена по чешской литературе на 4-м курсе. За преподавательским столом – Раиса Романовна, с другой стороны, напротив, – автор этих строк, давшая, как свидетельствует подпись, «отличный ответ». Второе фото – у меня на руках. Это 1990 год, Союз советских писателей на Поварской, вечер, посвященный столетию Карела Чапека. В числе участников – Раиса Романовна, которой тогда уже было за семьдесят. Но на фото молодая, красивая, ухоженная женщина, какой Раиса Романовна была в любом возрасте, практически всю жизнь. Знаю, что живя в Одинцове, где располагалась воинская часть ее супруга, Раиса Романовна зимой, по утрам, до отъезда в университет, совершала лыжные вылазки, набираясь сил для трудового дня.

Дитя своего времени, печать которого явственна на ее научных трудах, на критериях писательского творчества, на стремлении охватить лишь признанных, лояльных к существующему режиму чешских писателей, Раиса Романовна тем не менее не плыла по течению официальной культурной политики, не боялась сопротивляться ей. Вспоминаю период «нормализации», когда в Чехословакии искоренялись побег «пражской весны», реформаторского движения 1960-х годов, направленного на строительство «социализма с человеческим лицом». В результате партийных «чисток» в Чехословакии многие представители творческой интеллигенции были уволены из научных учреждений, лишены университетских кафедр и права заниматься своими профессиями. Именно в это время Раиса Романовна официально приглашает в Москву одного из таких «изгоев», профессора Карлова Университета, первоклассного специалиста по современной чешской литературе Франтишка Бурианека, устроив на филологическом факультете МГУ его встречи с преподавателями и студентами.

Фотографий с Раисой Романовной у меня практически нет, но облик элегантной женщины, умного педагога, доброго, душевного человека запечатлен в моей памяти. Она – не в альбоме, а в моей душе.

16 мая 2020 г.

Сведения об авторе:

Людмила Норайровна Будагова,
доктор филол. наук
заведующая Отделом истории славянских
литератур
Институт славяноведения РАН

Lyudmila Budagova,
Doctor of Philology
Head of the Department of the History of Slavic
Literatures
Institute of Slavic Studies RAS